

Антропологический принцип в философии

*("Очерки вопросов практической философии". Сочинение П. Л. Лаврова, I. Личность. СПб. 1860)*

Н. Г. Чернышевский. Собрание сочинений в пяти томах. Том 4  
Статьи по философии и эстетике  
Библиотека "Огонек"  
М., "Правда", 1974  
Составление и общая редакция Ю. С. Мелентьева.  
[OCR Бычков М. Н.](#)

I

Если бы брошюра г. Лаврова могла служить только предметом критического разбора, и если бы мы стали читать ее с мыслью написать потом разбор понятий, излагаемых в ней, мы с первых же страниц отказались бы от ее чтения, потому что -- скажем откровенно -- мы не читали большей части тех многочисленных книг, которые приняты в соображение автором, и даже думаем, что никогда не прочтем их; а без знакомства с ними нельзя с точностью оценить специального достоинства брошюры г. Лаврова. Но она не только прочтена нами,-- она даже послужила причиной того, что мы написали довольно длинную статью, имеющую самые тесные отношения к ней.

Исследования г. Лаврова прямо начинаются ссылкой на писателя, из книг которого ни одна не прочтена нами,-- цитатою из Жюль Симона, очень известного французского теоретика. Если бы мы не знали, к какому направлению принадлежит этот писатель, довольно бы было нам увидеть две строки, приводимые из него в самом начале брошюры, чтобы лишиться охоты знакомиться с ним: "сочинение, относящееся к политической теории и чуждое текущей политики, есть теперь почти новость",-- говорит Жюль Симон, по свидетельству г. Лаврова, в начале своей книги "Свобода". Этого десятка слов, приведенных из него, достаточно, чтобы заметить в их авторе совершенное непонимание того порядка, по которому происходят все дела на свете и, между прочим, пишутся теоретические сочинения. Ныне политические теории создаются под влиянием текущих событий и ученые трактаты служат отголосками исторической борьбы, имеют целью задержать или ускорять ход событий. По мнению Жюль Симона, прежде было не так -- иначе он не употребил бы слова "теперь". Этого мало: Жюлю Симону кажется также, что все люди нашей эпохи, а в том числе и ученые, поступают не совсем хорошо, являясь не простыми представителями или последователями абстрактных учений, не имеющими никакого родства с страстями своей страны в свое время, а истолкователями и защитниками стремлений каждой своей партии: если б он не порицал их за это, он не называл бы свою книгу сочинением, "чуждым текущей политики". Наконец он воображает, что может обмануть читателей, или чистосердечно полагает сам, что говорит правду, титулуя свою книгу сочинением "чуждым текущей политики". Под влиянием трех этих воззрений написаны слова, приведенные из Жюль Симона г. Лавровым, и все эти три воззрения ошибочны до такой очевидности, что свидетельствуют или о необыкновенной наивности и недалекновидности Жюль Симона, или о совершенном недостатке правдивости в его языке. Мы склоняемся к первому предположению, потому что человек хитрый умеет хитрить, а Жюль Симон говорит несообразности слишком явные, которые могут внушаться только крайнею наивною.

Политические теории, да и всякие вообще философские учения, создавались всегда под сильнейшим влиянием того общественного положения, к которому принадлежали, и каждый философ бывал представителем какой-нибудь из политических партий, боровшихся в его время за преобладание над обществом, к которому принадлежал философ. Мы не будем говорить о мыслителях, занимавшихся специально политическою стороною жизни. Их принадлежность к политическим партиям слишком заметна для каждого: Гоббз был абсолютист, Локк был виг, Мильтон -- республиканец, Монтескье -- либерал в английском вкусе, Руссо -- революционный демократ, Бентам -- просто демократ, революционный или нереволуционный, смотря по надобности; о таких писателях нечего и говорить. Обратимся к тем мыслителям, которые занимались построением теорий более общих, к строителям